

А.ШЕИНИН

ВОЕННАЯ ТАИНА

Л. ШЕЙНИН

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Издательство ЦК ВЛКСМ

„Молодая гвардия“

1 9 5 0

В О Е Н Н А Я Т А Й Н А

1. ДОРОЖНАЯ ВСТРЕЧА

Леонтьев проснулся оттого, что ощутил на себе чей-то пристальный холодный взгляд. Но в купе международного вагона, кроме него, никого не было. Дверь попрежнему была заперта, и на ней успокоительно позвякивала предохранительная цепочка. Поезд мчался, мягко постукивая на стыках рельсов. За темным окном куда-то стремительно летела ночь; выл ветер, изредка проносились тусклые огоньки разъездов и полустанков; смутно мелькали во мраке телеграфные столбы, словно кланяясь на лету.

Купе было слабо освещено синей ночной лампочкой, но и этого света было достаточно Леонтьеву, чтобы убедиться, что он один.

Заснуть уже не удавалось. Тревога, столь внезапно и властно разбудившая инженера, не проходила. По привычке, установившейся в последнее

время, он прежде всего ощупал изголовье постели, проверяя, на месте ли портфель, в котором хранились некоторые чертежи и расчеты его нового орудия. Портфель оказался на месте. Дверь была на замке. Ничего необычного не случилось. И все-таки Леонтьев явственно ощущал прикосновение чужого, внимательного взгляда.

Тревога эта не была новостью для Леонтьева. С некоторых пор у него появилось ничем необъяснимое, беспокойное чувство: ему казалось, что он находится под чьим-то неослабным и настойчивым наблюдением. На днях на завод пришло из Москвы сообщение о предстоящем испытании сконструированного им орудия. Этому орудию Леонтьев посвятил два года работы, которую начал еще до войны. Может быть, именно потому, что новому орудию придавалось особое значение, конструктор в последнее время чувствовал постоянное острое беспокойство. Леонтьев был осторожен в знакомствах, сдержан в разговорах; он вел замкнутый образ жизни. На заводе его окружали тщательно проверенные люди, которых он знал много лет. Казалось, и на работе и дома ничто не давало оснований для беспокойства. И все-таки ему было не по себе.

Два дня назад, вечером, Леонтьев выехал в Москву, куда был срочно вызван для участия в первом испытании своего орудия. Он захватил с собой только самые необходимые расчеты. Человеку непосвященному, не располагающему остальными данными, эти документы сами по себе не могли ничего раскрыть. И все же директор завода, провожавший Леонтьева, шепнул ему на прощанье, чтобы он не забыл запереть дверь купе на предохранительную

цепочку, а начальник спецотдела заставил Леонтьева захватить с собой револьвер.

Первая ночь прошла спокойно. Леонтьев, уставший от множества хлопот, вызванных внезапным отъездом, спал, как в юности, беспробудно и сладко. Дирекция обеспечила ему отдельное купе, и он благодаря этому был освобожден от утомительной необходимости присматриваться к случайным попутчикам и быть все время настороже.

Утром Леонтьев проснулся и поглядел в окно. Поезд стоял на какой-то станции. Конструктор быстро оделся и вышел на перрон. Портфель он захватил с собой. Уже выйдя из вагона, он почувствовал, что хочет курить, и вспомнил, что оставил портсигар в купе. Возвращаясь в вагон, Леонтьев открыл дверь из тамбура в коридор и увидел тень, скользнувшую из его купе в противоположный конец вагона. Конструктор бросился к себе. Дверь купе, которую, видимо, поспешно распахнули за мгновение до этого, еще качалась на своих петлях. Но в самом купе все было в порядке, и забытый портсигар мирно поблескивал на плюшевой подушке дивана. Чемодан тоже был на месте. Леонтьев подошел к окну, но, кроме спокойно гуляющих пассажиров, никого не увидел. Тогда он побежал к тамбуру, куда так быстро скрылась мелькнувшая тень: дверь в тамбур оказалась запертой. Леонтьев вызвал проводника и сказал ему, что какой-то неизвестный только что выбежал из его купе.

Проводник, внимательно выслушав Леонтьева, посмотрел на него пристально, как на человека, который, повидимому, хватил лишнего.

— Не иначе, как вам померещилось, товарищ пассажир, — сказал он наконец, убедившись, что

Леонтьев абсолютно трезв. — Может, со сна... Но только дверь в тамбур все время закрыта, и в коридоре не было ни души. А насчет вещичек не беспокойтесь, у нас не уведут. Ночью и то дежурим. У нас насчет этого строго. Постель убрать или еще соснете?

После этого происшествия тревога уже не оставляла Леонтьева. День тянулся томительно и нудно. К вечеру, выйдя в коридор, он увидел двух дам из смежного купе, ехавших вместе с ним из Челябинска. Одна из них была старушка, с тонкими чертами когда-то красивого лица, другая — молодая миловидная женщина. Дамы, повидимому, познакомились в пути: Леонтьев слышал, как они рассказывали друг другу о себе.

Старушка была из Ленинграда. Она тревожилась о муже, который остался там и от которого она давно не имела никаких известий. Вторая пассажирка ее успокаивала.

— Право, не надо так волноваться, — говорила она очень мягко пожилой ленинградке. — Знаете, как теперь с почтой. И потом, почему обязательно предполагать дурное? Случись с ним что-нибудь, неужели бы вам не сообщили? Наконец вас известили бы с места его работы. Поберегите себя, нельзя же без конца плакать. Тем более, что для этого нет никаких оснований...

— Чувствую, сердцем чувствую, дорогая, — отвечала сквозь слезы ленинградка. — Меня никогда не обманывало предчувствие. Нет уж, боюсь, не видать мне больше Сергея Платоновича... Как я его уговаривала поехать! Ведь и немолодой уже, и здоровье не то... Ни за что не хотел. «Я, — говорит, — Маша, сорок лет в Технологическом ин-

ституте провел и никуда не уеду из родного города».

Услышав имя Сергея Платоновича в связи с Технологическим институтом, Леонтьев насторожился. Он в свое время окончил этот институт и близко знал старейшего профессора кафедры сопротивления материалов Сергея Платоновича Зубова.

Леонтьев вышел в коридор и обратился к разговаривающим дамам.

— Простите, — сказал он, — но я невольно услышал ваш разговор. Не о Сергее ли Платоновиче Зубове идет речь? Я его отлично знаю.

Старушка удивленно посмотрела на Леонтьева, а затем приветливо ответила:

— Сергей Платонович Зубов — мой муж. А вы откуда его знаете?

— Как же! — ответил с радостью Леонтьев. — Ведь я в Технологическом учился! Сергей Платонович — мой учитель и, смею сказать, старинный друг. Я и аспирантом у него в свое время был. Моя фамилия Леонтьев.

— Леонтьев?! — взволнованно воскликнула женщина. — Коля Леонтьев? Голубчик вы мой, да я отлично знаю вас по рассказам Сергея Платоновича. Ведь вы были любимым его учеником! Он так часто вспоминал вас...

Завязался оживленный разговор. Николай Васильевич Леонтьев и Мария Сергеевна — так звали старушку — начали вспоминать давно минувшие годы, нашли множество общих знакомых, а потом заговорили о Ленинграде.

Леонтьев давно покинул Ленинград и уже несколько лет ничего не слышал о профессоре Зубо-

ве. Мария Сергеевна сообщила, что последнее письмо получила от профессора три месяца тому назад и с тех пор никаких сведений о нем не имеет. Леонтьев старался успокоить старушку, но она твердила, что предчувствует недоброе.

Мария Сергеевна познакомила инженера со своей спутницей, Натальей Михайловной, которая оказалась женой одного московского врача. Наталья Михайловна тактично отошла в сторону, когда ленинградцы предались воспоминаниям, а потом все трое перешли в купе к дамам, миглом соорудившим легкий ужин. У Леонтьева нашлась бутылка вина, и в общем получилось очень мило. Мария Сергеевна даже сразу как-то помолодела; она оказалась живой и умной собеседницей и очень понравилась Леонтьеву. Симпатична была и Наталья Михайловна — застенчивая, тихая, немногословная женщина.

Был уже первый час ночи, когда Леонтьев, пожелав дамам спокойного сна, ушел к себе в купе. Но, странное дело, едва он остался один, как то же смутное, тяжелое беспокойство вновь овладело им. Он запер дверь, разделся, выкурил папиросу, попытался перебрать в памяти воспоминания далеких студенческих лет, но тревога неустанно томила его.

«Что со мною делается? — спрашивал себя Леонтьев. — Что это: нервы, усталость? Или в самом деле меня подстерегает какая-то беда, какое-то огромное несчастье?»

Так и не ответив себе на этот вопрос, он, наконец, уснул тревожным сном человека, не знающего, что принесет ему пробуждение.

И вот поздно ночью его разбудило ощущение

чьего-то пристального, цепкого взгляда. Леонтьев сел и начал размышлять, откуда за ним могли наблюдать. Он открыл дверь в коридор, но там никого не было. Легкий шорох в туалетном отделении привлек его внимание. Он неслышно подошел к двери этого отделения и с силой рванул ее. За дверью, прислонясь к умывальнику, стояла Наталья Михайловна.

— Простите меня, бога ради, — сказала она, — я хотела посмотреть, не спите ли вы, и, вероятно, мой взгляд разбудил вас. Нет ли у вас пирамидона. У Марии Сергеевны страшно разболелась голова. Встреча с вами, повидимому, взволновала ее.

— К сожалению, нет, — ответил Леонтьев, сразу успокоившись. — Может быть, спросить у проводника?

— Не беспокойтесь, голубчик, — донесся из купе слабый голос Марии Сергеевны, — мне, кажется, становится легче. Ложитесь-ка лучше спать. И вы, Наталья Михайловна, тоже.

Москва встретила Леонтьева обычной сутолокой, воем автомобильных сирен и каким-то новым, суровым обличем. На улицах было много военных, все куда-то спешили, почти у всех были сосредоточенные, даже немного хмурые лица.

У вокзала Леонтьева ожидала машина, присланная из наркомата. Инженер предложил своим спутницам подвезти их. Наталья Михайловна отказалась: ее встречал родственник, а Мария Сергеевна попросила подвезти ее к гостинице «Москва», где она рассчитывала остановиться и где Леонтьеву был забронирован номер.

В гостинице конструктор простился с Марией Сергеевной; они договорились созвониться по телефону. Умывшись с дороги, Леонтьев вышел на улицу и поехал в наркомат, где его уже ожидали.

2. ИСПЫТАНИЕ

Испытание орудия началось ровно в десять часов утра на одном из подмосковных полигонов. К этому времени собрались представители наркомата, несколько генералов-артиллеристов, инженеры и рабочие орудийного завода, изготовившего опытный образец.

Леонтьев приехал раньше всех. Он проинструктировал орудийный расчет и сам проверил, как работают вспомогательные приборы. Весь предыдущий день Леонтьев провел на заводе, придирчиво рассматривал орудие, ругался с инженерами, заменившими какую-то латунную деталь лафета нержавеющей сталью, — и ругался зря. Для орудия и его поражающих свойств это не имело решительно никакого значения, но Леонтьеву хотелось, чтобы его первенец, помимо прочего, был еще и красив.

И вот, наконец, наступила эта долгожданная, радостная и волнующая минута. Все собрались у орудия. Разговоры затихли. Леонтьев снял с орудия чехол. Огромный серый ствол строго всматривался в далекий горизонт. Один из собравшихся заглянул внутрь ствола, чтобы посмотреть нарезку, и только молча покачал головой: никакой нарезки внутри ствола не было.

— Тут совсем другой принцип, товарищ гене-

рал, — улыбнулся Николай Васильевич, заметив недоумение. — Разрешите начинать?

— Пожалуй, начнем, — сказал представитель наркомата.

Все, кроме Леонтьева, отошли от орудия. Конструктор нажал кнопку управления, и снаряды, уложенные на ленту, похожую на заводской конвейер, с мягким шорохом понеслись в раскрывшуюся магазинную часть орудия.

Через секунду фантастические огненные шары с душераздирающим скрежетом полетели в воздух, с воем вспыхивая и разрываясь на лету. В багровом пламени разрывов возникали бесчисленные вспышки, и, казалось, огненные языки, стремительно множась, заполняют горизонт.

Орудие откатывалось назад и возвращалось на место, выбрасывая все новые и новые снаряды, вздрагивая, как живое.

Через несколько минут объекты обстрела, расположенные на расстоянии трех километров от орудия, были полностью уничтожены.

Леонтьев стоял бледный, не отрывая глаз от своего первенца. Он был влюблен в это орудие — плод его конструкторского таланта, в котором гармонически сочетались достижения советской физики, химии и баллистики.

Когда все стихло, члены испытательной комиссии подошли к конструктору. Никому не хотелось начинать с банальных поздравлений: настолько все были взволнованы и потрясены. С минуту царило неловкое молчание, но сам Леонтьев даже не замечал этого: он был целиком погружен в свои расчеты. Как всякий незаурядно одаренный человек, он никогда не удовлетворялся достигнутым и

сейчас, убедившись в безотказной работе орудия, уже думал о том, как увеличить вдвое, втрое, в несколько раз его скорострельность.

Наконец один из генералов подошел к Леонтьеву, молча обнял его и поцеловал.

— Спасибо, — тихо, почти шопотом, сказал он. — Четверть века отдал я артиллерии, но до сих пор ничего подобного не видел, ни о чем подобном не слышал и, признаюсь, ни о чем подобном не мечтал.

И, обращаясь к остальным, добавил:

— Думаю, испытание можно считать законченным. Теперь главное — запустить орудие в серийное производство.

Уже на обратном пути в город один из инженеров наркомата, ехавший в машине вместе с конструктором, вдруг спросил:

— А вы меня, товарищ Леонтьев, не узнаете? Ведь я тоже Технологический кончил. Правда, вы были на два курса впереди, но я помню вас отлично. Вы ведь потом в аспирантуре учились у Зубова. Хороший был старик.

— А что с ним? → встрепенулся Леонтьев.

— Он умер еще в самом начале войны, — ответил инженер. — Сначала супруга его скончалась, Мария Сергеевна, ну, а потом и сам старик не выдержал; после смерти жены он очень горевал...

— Позвольте, — перебил его Николай Васильевич, ничего не понимая. — Ведь жена Зубова жива, да и сам он еще три месяца назад писал ей...

— Что вы! — возразил инженер. — О смерти Зубовых мне рассказывал товарищ, он был их соседом по дому.

Леонтьев с трудом удержался от рассказа о своей дорожной встрече. Потом, подумав, что все это очень подозрительно и странно, решил сообщить в следственные органы о таком необычном случае.

Приехав в гостиницу, он прежде всего подошел к дежурному администратору и спросил, в каком номере живет гражданка Зубова. Администратор проверил по книге и ответил:

— Зубова, Мария Сергеевна, жена профессора из Ленинграда, занимает пятьсот шестой номер.

«Что же это такое? — размышлял Леонтьев, придя к себе в номер. — Кто из них лжет? Зубова или этот инженер из наркомата. Правда, инженер говорит с чужих слов. Но если он прав, то кто же в таком случае эта старушка и зачем она присвоила себе имя умершей? Где она получила паспорт Зубовой? Ведь в гостинице могут прописать только по паспорту».

Первой мыслью Леонтьева было поехать в НКВД и там рассказать обо всем. Но потом он решил, что это преждевременно и серьезных оснований для обращения в НКВД у него пока нет, да и женщина эта всем своим обликом внушала ему полное доверие.

«В самом деле, — думал он, — ничего ведь еще не произошло, ничего со мною не стряслось, может быть, это недоразумение или, наконец, выдумка инженера, которого я, кстати, решительно не помню... Стоит ли, не посмотрев в святцы, трезвонить во все колокола? Подумают, что я нервный идиот. Нет, не пойду».

И не пошел.

Устав после испытания орудия и всех связанных

с этим волнений, Николай Васильевич прилег отдохнуть. Но едва он задремал, как его разбудил телефонный звонок. Леонтьев взял трубку и услышал голос Марии Сергеевны.

— Куда же это вы, голубчик, запропалились? — спросила она с добродушной простотой, которая так шла к ней. — Небось, нашли более молодую даму?

Леонтьев объяснил, что был занят делами, и, в свою очередь, спросил, нет ли вестей о Сергее Платоновиче.

— Пока ничего не знаю, — ответила женщина. — Обещали мне знакомые навести справки, да ведь это теперь не так-то просто. Подожду еще несколько дней, а там начну хлопотать о разрешении вылететь в Ленинград, несмотря на блокаду. А вы что делаете? Не зайдете ли чайку попить? У меня с собой банка варенья, еще довоенного; приходите — угощу.

Леонтьеву было интересно с ней поговорить, и он принял приглашение. Мария Сергеевна встретила его по-домашнему, в капоте.

Сидя против этой пожилой женщины и слушая ее добродушную болтовню, глядя в ее спокойное, открытое лицо со смеющимися глазами и какими-то ласковыми, совсем материнскими морщинками, Леонтьев окончательно убедился, что инженер неправ и что Мария Сергеевна именно то лицо, за которое себя выдает. Эта уверенность особенно окрепла после того, как Зубова в разговоре, вновь вернувшись к своим семейным делам, обнаружила такую осведомленность о привычках и характере Сергея Платоновича, какую мог обладать только близкий ему человек. При разговоре она — это

пришлось кстати — достала из чемодана и показала Леонтьеву портрет Зубова.

С другой стороны, Леонтьев заметил, что она не проявляет ни малейшего интереса к его делам и, повидимому, даже не знает, что он давно перешел от научно-исследовательской деятельности к работе в военной промышленности.

Просидев у Марии Сергеевны около двух часов, Леонтьев простился с ней и, вернувшись к себе в номер, немедленно лег спать.

3. В БОЛГАРИИ

В тот самый день, когда состоялось испытание нового орудия, около семи часов вечера, экспресс Стамбул—София подошел к небольшому дебаркадеру софийского вокзала. Как всегда по прибытии заграничного поезда, чинные болгарские полицейские вошли в спальный вагон и получили у проводника в коричневой униформе паспорта приехавших иностранцев. На этот раз их было немного — человек пять, в том числе два немецких инженера с подозрительной военной выправкой, турецкий журналист с лицом продавца порнографических открыток, какой-то толстый, весь лоснящийся грек и румынский коммерсант, поджарый, немолодой уже человек с большим рубцом на левой щеке.

Старший из полицейских, взяв под козырек, приветствовал приезжих и объяснил им, что паспорта они получают на следующий день в управлении софийской полиции, причем если господа не желают утруждаться, то могут прислать кого-либо из сотрудников гостиницы, в которой «почтенным

приедем будет угодно остановиться». Поблагодарив вежливого полицейского, румынский коммерсант господин Петронеску вышел на перрон. Носильщик, мальчишка лет тринадцати в пестро заплатах штанах, нес за ним чемодан.

На перроне Петронеску с удовольствием вдохнул свежий вечерний воздух. Он давно не был в Софии. Последние месяцы Петронеску жил в Стамбуле, который знал хорошо. Ему приходилось там бывать еще в дни молодости, в период войны 1914—1918 годов.

В Софию он был вызван спешной телеграммой. Еще вчера, стоя у подъезда Стамбульского вокзала, Петронеску мысленно прощался с этим городом. Вечерний Стамбул дымился в последних лучах заката. Огромное красное солнце купалось в Золотом Роге. Белые румынские пароходы, застигнутые войной в Стамбульском порту и застрявшие там до лучших времен, чуть покачивались на якорях. К пристани в Галате со всех сторон ползли юркие, канареечного цвета пароходики. Новый город амфитеатром спускался к набережным, струясь потоками улиц, по которым двигались маленькие вагончики городского трамвая и автомобили, похожие издали на майских жуков.

На привокзальной стороне, у моста, еще кипел Рыбный базар. На нем толкались, ссорились, шумели, торговались и кричали на всех языках турки, греки, левантинцы, армяне, евреи, румыны.

Среди них уныло бродили голодные турецкие солдаты — аскеры — в серо-желтых, цвета пустыни, мундирах из толстого, грубого сукна, и важно прохаживались жирные полицейские в черных,